

«Апрельский сонет» Станислава Золотцева

*Я радуюсь тому, что просто жив,
что не исчез – хотя безмерно грешен,
что путь продолжил, крылья не сложив,
и – на прекрасной женщине помешан;
и что мой голос горек, да не лжив –
как сок берёз, как трели из скворешен...
А если сердце бьётся на разрыв,
так что же? – в мой последний миг утешен
тем буду я, что не сдалось оно,
когда тащила жизнь меня на дно,
любить и ликовать не отучилось...*

*Я – радуюсь, хоть в радости моей –
колючий привкус окаянных дней.
...Но и его приму как Божью милость.*

Это стихотворение было написано Станиславом Золотцевым в апреле 2004 года и тогда же, ещё нигде не опубликованное, впервые прозвучало на юбилейном концерте автора этих строк; прочитав его со сцены, Станислав Александрович вручил мне машинописный оригинал...

Всех наших с ним встреч, бесед и совместных поездок мне теперь, наверное, и не вспомнить: их было немало, как и продолжительных телефонных разговоров: Золотцев, находясь в Пскове, обычно звонил после полуночи, когда его утомлённые работой глаза требовали отдыха, а мои начинали слезиться от мерцания монитора старенького компьютера. Говорили мы подолгу и о многом – в основном, конечно же, о литературе, ибо именно она сначала познакомила нас, а потом и подружила.

В декабре 2007-го я попал в больницу. На третьи сутки моего пребывания под беспрерывными капельницами, когда мои соседи по палате уже давно спали, на тумбочке возле моей кровати, заверещал мобильный телефон. Звонил Золотцев.

- Ты там что, помирать собрался?! – кричал он в трубку. – Ты это дело брось: мы с тобой ещё в Буковку¹ не съездили! Помнишь своё обещание? Давай, давай, выкарабкивайся!..

Проговорили мы тогда недолго: время было позднее, да и звонил Золотцев из Твери, где в те предновогодние дни читал лекции в тамошнем университете. Я, разумеется, пообещал ему выкарабкаться и следующим летом обязательно свозить его в Буковку. Но то обещание мне удалось выполнить лишь в первой его части...

Чуть позже, во второй половине января 2008-го, когда готовился ежегодный вечер памяти псковских литераторов, который должен был вести Золотцев, он позвонил уже из Москвы.

---

¹ *Буковка* – выдуманное название реально существующей деревеньки, место действия повестей и рассказов моей книги «Пройти полмира...», редактором которой был С.А. Золотцев. (Авт.)

- Я тут уточняю список наших ушедших товарищей, о коих надо будет говорить. У нас ведь последним кто умер - Калкин?

- Да, Олег Андреевич Калкин... Так вы успеете приехать, Станислав Александрович?

- Обязательно! Обязательно приеду: а как же?!

Вечер памяти состоялся 21 февраля в филиале городского культурного центра, на Рижском, 64, где так любил бывать Золотцев. Но самого Станислава Александровича на нём не было. Вернее, был - последним в скорбном списке...

Когда навсегда уходят люди, подобные Золотцеву, испытываешь шок: сначала - от растерянности, от невероятности случившегося, потом – от вдруг образовавшегося вокруг тебя вакуума. Скажу, не преувеличивая: после звонка Игоря Смолькина, сообщившего мне эту страшную весть, со мной именно такое и произошло. Спустя несколько мгновений в голову пришла довольно странная, показавшаяся совершенно неуместной в такой трагической ситуации мысль: а как же я?..

Позже я понял, что эта мысль в тот момент была и вполне уместна, и весьма своевременна: редактором второй моей книги, которую я в те дни готовил к изданию (но так до сих пор и не издал), был тоже Станислав Александрович, и он очень ждал рукопись третьей.

- Надеюсь, к моему возвращению в Псков ты этот роман закончишь, - говорил он мне по телефону. – Если успеешь, то приноси рукопись на вечер памяти...

Я успел. Но прочесть рукопись Золотцеву было уже не суждено...

Город достойно проводил в последний путь достойного человека – своего уроженца, гражданина, патриота, заступника, поэта, написавшего слова официального «Гимна Пскова». Хотя правильнее будет написать эти, по праву заслуженные Станиславом Александровичем Золотцевым эпитеты так: Гражданин, Патриот, Поэт. Ибо Золотцев действительно был Гражданином и Патриотом своего города и своей Великой страны. Он был Поэтом, не только воспевавшим красоту и неповторимость, славу и непреходящее могущество России, но и болезненно-остро переживавшим все её беды и неурядицы, происходившие и происходящие с нашей Родиной. И не только своим пламенным, жгучим словом описывал Золотцев происходившие в России драматические события – ему довелось и поучаствовать в них, защищал на баррикадах Белый Дом. Уверен, что таким бы Золотцев и оставался, если бы не то, что произошло 4 февраля 2008-го.

«...мой голос горек, да не лжив» –

писал Станислав Александрович в «Апрельском сонете». И это – правда.

Мне редко доводилось встречать людей подобной честности и порядочности, бескомпромиссных - когда это действительно необходимо, принципиально не желающих идти на сделку с совестью - хотя для этого, как в подобных случаях поступали многие, всего и надо-то было - просто промолчать, сделав вид, что не заметил несправедливости, воинствующего хамства, подлости, бесчестного поступка... Золотцев – не молчал. Никогда. Он писал и говорил то, что было у него в душе и на сердце.

«А если сердце бьётся на разрыв...»-

Так оно и билось, его сердце – на разрыв. Потому и не выдержало...

Наверное, навсегда, на всю оставшуюся жизнь запомнится мне и ещё один день, половину из которого мне довелось провести со Станиславом Александровичем. В тот день, 19 февраля 2007-го, Псков прощался с замечательным писателем и журналистом, удивительным человеком - Олегом Андреевичем Калкиным.

В Любятово, в церкви Святителя Николая, Олега Андреевича отпевал отец Владимир. «Апостол» над гробом покойного читал Валентин Яковлевич Курбатов. Людей в небольшую церковь пришло много: родственники Олега Андреевича, его коллеги, собратья по перу - все стояли тесно, почти плечом к плечу. Золотцев чуть припоздал – вошёл с мороза раскрасневшийся, весь какой-то взъерошенный; с трудом пробравшись к изголовью гроба, он долго всматривался в лицо Олега Андреевича, и взгляд его был растерянным и

печальным... Я стоял по другую сторону от гроба, у стены, и, слушая чтение молитвы, невольно наблюдал за Станиславом Александровичем. И вдруг, в какой-то момент, мне почудилось, что Золотцев не просто смотрит на Олега Андреевича, а, едва заметно шевеля губами, о чём-то разговаривает с ним. А может быть, он просто тихо молился?..

Потом, в Орлецах, после окончания церемонии похорон, мы с Золотцевым не поехали на поминки (это было уже выше наших сил), а отправились на могилы моей мамы и его родителей. С трудом пробившись по глубоком снегу к могиле моей мамы, мы постояли несколько минут, перекрестились, затем вернулись на центральную аллею и отправились дальше - к могилам родителей Станислава Александровича.

- Извини, Саша: я хочу немного побыть один, - тихо сказал Золотцев спустя минуту после нашего туда прихода.

Я отошёл на аллею, а Золотцев, опершись рукой на растущую над родительскими могилами берёзу, что-то с минуту шептал – то ли молился, то ли обращался к белоствольной красавице, печально опустившей вниз заиндевевшие от крепкого мороза ветви, с какими-то никому, кроме неё, неведомыми признаниями... И я тогда почему-то вдруг подумал, что это наше с Золотцевым посещение родительских могил запомнится мне на всю оставшуюся жизнь; подумал так, даже не предполагая, что не пройдёт и года, как к подножию той берёзы опустят гроб с телом моего старшего товарища и друга...

...Предисловие к своей книге, которое не успел написать Станислав Александрович, я написал сам. Но оно – не о книге, а о нём, её редакторе.

И пока это всё, что я смог сделать в память об этом удивительном человеке...